

Валерий ПРИЕМЫХОВ: ИСПОВЕДЬ МОСКОВСКОГО ГОСТЯ

Это - не интервью в обычном смысле этого слова. Скорее, это монолог. Но монолог, не произнесенный или продиктованный разом, а собранный, можно даже сказать «вылущенный», из десятков наших разговоров. Встречались мы, конечно, и официально - интервью ради. Но на кухнях и в курильках

место, где ты родился, воздухом которого дышать начал. Правда, раньше в великой нашей державе все мы были «лимитой» - так уж устроили нашу жизнь основатели бывшего светлого нашего царства.

Да, я провинциал - провинциал, несмотря на то, что долгие годы живу в Москве. И в этом есть

вал - и иногда по несколько лет - вообще без счета: отец железнодорожником был, потом на лесозаготовках трудился. Так что мы иной раз в таких городках и поселках обитали, по которым ночами медведи ходили. Глушь, одним словом. С тех пор - и по сегодняшний день - у меня комплекс про-

личная общность» именно из вчерашних провинциалов и образовалась. Половина таких людей своего провинциального рождения просто стесняется, другие только за столом и вспоминают Волгу, Оку и прочие реки своего детства.

Кстати говоря, и здесь тоже могут возникать комплексы. По себе знаю. Я раньше, помнится, тоже переживал. «Господи, у других - и река как река, Волга, скажем, а у меня - Пёра». Именно так, через «ё». Зато в последнее время все больше, как ощущение счастья, возникает во мне воспоминание: сидим на завалянке с пацанами, разговариваем о чем-то. Март месяц, солнышко припекает. Речка Пёра от льда освобождается...

Из досье «Голоса поколения»:

Приемыхов Валерий Михайлович, кинодраматург, кинорежиссер, киноактер.

В 1973 окончил сценарное отделение сценарно-киноведческого факультета ВГИК.

Заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Лауреат Государственных премий за роли, сыгранные в фильмах «Пацаны» и «Холодное лето пятьдесят третьего...».

Снимался почти в трех десятках фильмов. Автор двух десятков киносценариев, в том числе к фильмам Динары Асановой «Никудышная» и «Милый, дорогой, любимый, единственный...» Режиссер, сценарист и актер в фильмах «Штаны» и «Мигранты».

- Меня, между прочим, в родном городе не узнают. Нет, наверное, они и «Пацанов» видели, и «Холодное лето...». Но просто не предполагают, что я иногда рядом с ними в сапогах резиновых по грязи шляюсь. Сижу, помнится, как-то на набережной, ем мороженое, любовь свою первую вспоминаю, подходят двое: «Вы здесь?!». - «Ребята, - спрашиваю, - как вы узнали - то меня?» А они просто из Хабаровска оказались...

Мне говорят иногда: «Если ты так уж любишь свой Дальний Восток,

ре ружье...
какая былинка в
как одинокий че-
каждый ее может

- Мы-то с мужем с
утра до позднего вече-
ра в детском доме ра-
ботали, я - учителем, он

хлебавши и ул-
вокатор восво-
А со своим
супругом - се-

ать, ветер безжа-
треплет...
ш кормится мо-

- воспитателем. Так что
дети самостоятельными
росли, - перебирая кар-

муж умер, пер-
Екатеринбург.
Александр И

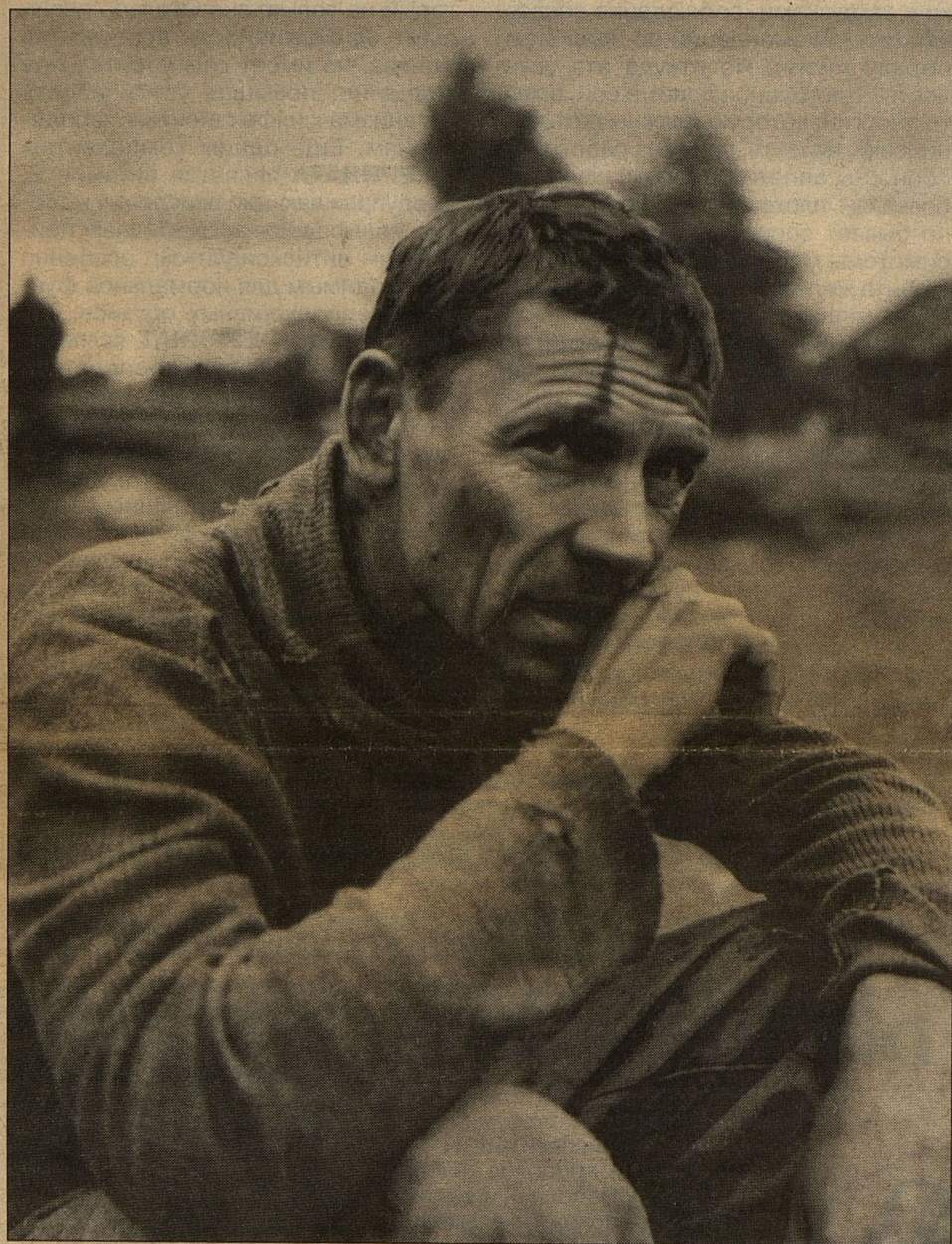
так его воспеваешь - живи там». А у меня ощущение, что я оттуда и не уезжал: я в Москве до сих пор - варяг. Здания выше шести этажей для меня - абсолютная ненормальность. Я когда домой приезжаю - или на съемки в городок какой-либо маленький - душой отдыхаю: бельё на веревках сушится, время спокойно, размеренно течет, бабушки на лавочках сидят... В общем, обжитое все. Бабушки-то, конечно, сплетницы, но как с ними уютно! А здесь, в столице?

Посмотрите на Тверской: в машинах каждый обитает отдельно от остальных, в домах жители за занавесками - тоже каждый по отдельности. Разве это жизнь?

Я в Москве и гулять-

мню) стоило сказать, что ты артист - сразу и любопытство, и интерес, и гостеприимство, и помощь бескорыстная. А в Москве себя хоть космонавтом, хоть хреном собачьим назови - никакой на тебя реакции не будет.

Я вот - сценарист с Дальнего Востока. Слово сочетание, которое многим кажется неловким. Нету в нашем кино такого понятия - сценарист с Дальнего Востока. Сценаристы могут быть только московские, ну, может быть, еще питерские. И никакие больше. Потому и живу я в криминальном этом мегаполисе. Точнее говоря, мучаюсь, а не живу. А уехать не могу: куда же мне ехать, если на Дальнем Востоке сценаристов не водится по опре-

гораздо чаще, еще со вгиковской, общежитско-аудиторной поры. Ведь знакомству нашему - страшно вымолвить - уже три десятка лет... Это многоточие - не просто авторский знак, а знак принципиальный. Обозначает он следующее: «Мы еще поговорим, Валера. И о жизни, творчестве, и о нас, провинциалах, живущих в столице. Какие наши годы!»

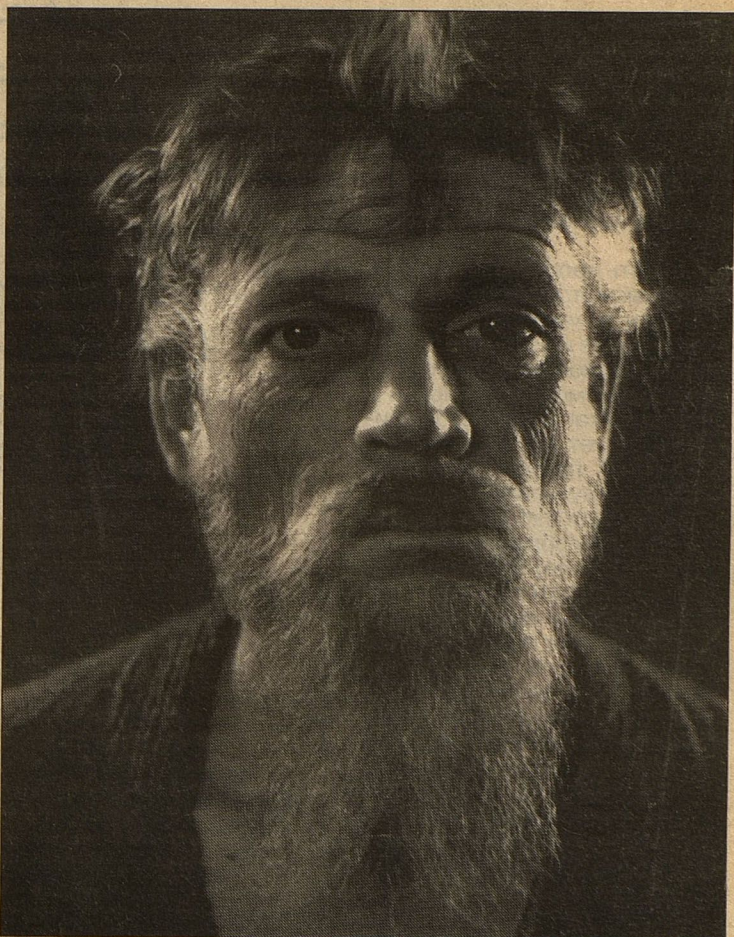
- Я до сих пор, когда на родину свою малую приезжаю, выхожу из поезда - и понимаю, что не просто к родственникам приехал. А именно туда, где мне хорошо: где базар местный не слишком шумный, где клены тенистые, где дома невысокие, именно такие, которые люблю... В общем, туда приехал, где рос и человеком становился. Да что я рассказываю: у нас ведь у каждого на земле есть

особый повод для гордости. Иностранцы, пытающиеся судить о России по столице, ни в малой степени ее не поймут. Реформаторы, постолочному лихо пытающиеся сконструировать будущее, не принимают во внимание провинцию. А она существует! И надо быть предельно бессовестным, чтобы не видеть, как она, «несуществующая», кормит очаги свободы и мысли - Москву и Питер, как отдает детей своих в армию, на собственной шкуре полно и больно испытывая зигзаги столичной политики.

Я родился в Белогорске Амурской области, в Благовещенске аттестат получал, при Амурском драмтеатре в народной студии занимался, во Владивостоке Институт искусств заканчивал, потом работал в театре в Уссурийске. Это только те места, жил где, а бы-

винциала. Во всем. В том даже, что я классическую музыку не понимаю. А где мне ее понимать-то было? В Сиваках? Или в Шимановске, в котором на весь городок два аккордеона было? Помню, мы одно время в таком городишке жили, где щиты баскетбольные стояли, а никто не играл, - просто никто правил не знал. Зато с каким превосходством мы на «деревенских» смотрели!

Так, как смотрят сегодня столичные жители на нас. В принципе, столица сейчас - не столько культурно-географическое понятие, сколько близость к власти и распределению благ. Отсюда проистекает и отношение к провинциалам, как к чему-то заведенный порядок - замечательный порядок! - нарушающим. Но самое смешное состоит в том, что эта самая «сто-

то никогда - и никуда - не выхожу. На Дальнем Востоке (я по учебе по-

делению?
Я всегда догадывался, что у нас интеллиген-

Приемыхов Валерий

23.8.99

459

ция не подарок, но сегодняшняя перешагнула все границы. Просто какое-то наказание Господне для России - такая она деловая оказалась. Да если бы только деловая - кровожадная! Понтий Пилат, иной раз думаю, вообще ни в чем не виноват: пять раз ведь отказывался Христа казнить, а интеллигенция тогдашняя - «фарисеи-книжники» всякие - требовала: «Распни! Распни! Распни!» Распняли...

Наши интеллигенты оказались ничем не лучше. Такими ведь «художниками» себя показывали, а тут кинулись бабки делать. Зачастую - на крови. Вспомните хотя бы историю с расстрелом парламента. Газеты с их письмами читать невозможно было без отвращения - реки, болота поноса словесного, лживого. Какая уж там «соль земли». Мне кажется, Ленин был прав, определив однажды: дерьмо нашей нации интеллигенция эта, а не соль земли! У миллионеров новых и то какой-то кодекс чести, пусть воровской, но существует все-таки. А у этих никакого. Интеллигенция российская сегодня вся в трудах - служит правящему режиму. Подлость стала даже не нормой жизни, а самой жизнью...

Впрочем, Бог им судья. Я сегодня не о том. Я - о жизни провинциала в столице. Ко мне мать, помню, первый раз в Москву приехала. Целый день ходила по городу, изумлялась. А потом сели мы в электричку, а на соседней скамейке такая же женщина сидит - в платочке. Они тут же познакомились, и про меня начисто забыли: свои. Они ж потом даже переписывались! И это нормально - для России. Для москвичей это просто смешно. Да и не только для москвичей. Сегодня у нас в стране уже стал проявляться не комплекс провинциала, а комплекс столичного жителя.

Спроси у провинциала: какой у него метраж квартиры? Ответит: одна большая комната и две маленьких. А пацан «столичный» в ответ на тот же вопрос до сантиметра метраж выдаст. Мелочь, конечно. Но мелочь характерная.

Помню, меня в свое время после Института искусств в ГИ-

ТИС послали в аспирантуру на «марксистско-ленинскую эстетику» - как самого умного, наверное. Стою на экзамене, преподаватель Гусев - как мне сказали потом, «специалист по теории познания» - вопрос задает. И смотрит на меня... Даже не знаю, как это выражение объяснить словами, наверное, приблизительно так: «А это что еще за чучело?» А я про экзаменационный вопрос все знал - все абсолютно. Так ему и сказал. А он мне в ответ: «Такой молодой еще и уже такой нахал!»

В общем, не получилось из меня аспиранта по марксистско-ленинской эстетике. А ведь я зубок все про эмпириокритицизм знал. Белинского всего законспектировал. Кант читал. Правда, теперь могу признать, что у Канта странице на сто двадцатой я так навсегда и остановился. Но ведь большинство столичных жителей, поступающих в аспирантуру, и того не читали. Что, не

точно. Я его и не слушал. Так что, если Баха слушаешь, - молодец, а если гармошку, - недоумок?

Впереди - выборы. И в речах политиков опять будут проскальзывать пренебрежительные интонации - в лоб-то никто не скажет, голоса потешатся: провинция, мол, у нас косная, провинциалы, мол, примитивные, недалекие и противные. Только, как это ни странно, интуитивно именно дураки эти всегда правильно голосуют, выполняя роль эдакого балласта-успокоения, без которого корабль наш под названием Россия давно бы кувыркнулся вверх килем.

Она ведь очень разная, провинция - наша! На Дальнем Востоке у нас, в провинции, все сплошные переселенцы: на БАМ туда строителей понаехало, да так и остались, бомжей к нам ссылали, проституток - ну, как из Москвы в свое время «за сто первый километр». Да много кого ссылали за всю историю государства Российского - у нас ведь край вообще долгое время закрытым был. Но такой провинции, как у Василия Белова или у Шукшина, у нас не было никогда -

может, в силу «отодвинутости» своей от Центра у нас долгое время сохранялась все-таки какая-то нравственная цельность, несмотря на то, что почти все вокруг были ссыльными. Плохой человек в

жизнь казалась неполноценной, кто считает, что только в Москве «стоит жить» - тут настоящее. Но я ведь сам прошел прозрачным лабиринтом московских ожиданий и знаю, чего стоят надежды

наших условиях как-то очень быстро обособливался - и оставался один...

Что такое сегодня Москва с точки зрения принципиального провинциала? Я не могу понять, куда она хочет: в Европу, в Америку - и, самое главное, зачем?

Определенно можно сказать только, что столица аморальна: человеку в Москве сегодня живет плохо, коррумпированный этот город - не для людей. Сюда стекаются нынче те, кому «там»

и разочарования тех, кто все-таки оседает в мегаполисе этом. Нынешняя столица - отнюдь не Москва, воспитанная Булгаковым или Окуджавой. Другие времена, другая жизнь, другие люди. И состоящие души большинства сегодняшних провинциалов, попадающих в Москву, определяется одним словом - миграция.

Из досье «Голоса поколения»:

«Киностудия «Мосфильм», кинорежиссеру Приемыхову Валерию. Уважаемый т. Приемы-

хов! Огромное вам спасибо за фильм «Мигранты», с нетерпением ждем продолжения, так как полюбили этих несчастных Павла и Полину.

Убедительно просим создать кинофильм о семьях военных - натуральных бомжах и бичах, которых преступно-поспешно вывели из Европы, Монголии, Прибалтики «во чисто поле» - как скот. И живут семьи военных в палатках, сараях, барабанах и бочках в Тюменской области. И не только в бочках «живут» военные. В Москве, на Ваганьковском кладбище, живет бомж - военный летчик, так его «отблагодарила» Родина.

Убедительно просим создать кинофильм о безработных - бедных, нищих и голодных русских. Нищих, голодных и забытых у себя на родине, в России...

Подписи (тридцать шесть).

PS: Для того, чтобы читатель лучше смог понять этот «монолог принципиального провинциала», приведу несколько ответов сценариста, режиссера и актера в одном лице на заданные ему в разное время «наводящие» вопросы:

- Человек - русское народное достояние? Пушкин! И, может быть, Столыпин.

- Любимый русский персонаж? Илья Муромец. Другие похожи на общемировых, а этот - русский.

- Боль-моя души? Развал страны и нищета народа.

- По-прежнему ли «не продается вдохновение»? Не продается. Но иногда покупается...

Записал
Геннадий СУХИН.

